

Салли
Эндрю

Рецепты любви
и убийства

*Убийство не повод
отказываться от ужина*

Кофе, плед, убийство

Салли Эндрю

Рецепты любви и убийства

«Азбука»

2015

УДК 811.111(680)+811.112.6
ББК 84(6Южн)-44

Эндрю С.

Рецепты любви и убийства / С. Эндрю — «Азбука»,
2015 — (Кофе, плед, убийство)

ISBN 978-5-389-33756-5

Тетушка Мария, вдова средних лет, очень любит готовить — и есть — и иногда писать, поэтому она ведет кулинарную колонку в местной газете небольшого южноафриканского городка. Когда редакция превращает ее колонку в рубрику ответов на письма читателей, Мария находит остроумный выход: она предлагает врачевать душевные раны страждущих вкусной едой и щедро сдабривает советы собственными рецептами. Однако одно из писем оказывается роковым: женщина, пожаловавшаяся на жестокость мужа, найдена мертвой. Вместе с молодой репортершей Джесси Мария начинает собственное расследование, к огромному неудовольствию ведущего это дело детектива. Сыщицам-любительницам предстоит найти убийцу, не подставив под удар самих себя.

УДК 811.111(680)+811.112.6

ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-33756-5

© Эндрю С., 2015

© Азбука, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	15
Глава шестая	18
Глава седьмая	20
Глава восьмая	23
Глава девятая	25
Глава десятая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Салли Эндрю

Рецепты любви и убийства

Sally Andrew
Recipes for Love and Murder

© Sally Andrew, 2015

© М. А. Загот, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моим потрясающим родителям: Боски и Полу Эндрю

Глава первая

Жизнь – забавная штука, верно? Знаете, как бывает, – одно цепляется за другое самым неожиданным образом.

В то воскресное утро я стояла на кухне и помешивала абрикосовое варенье в чугунном котелке. В Кляйн-Кару выдался очередной засушливый летний день, и, к моей радости, в окно дул легкий ветерок.

– Прекрасно пахнешь, – сказала я апелькусконфиту.

Назвать его абрикосовым джемом, и перед глазами возникает банка из супермаркета, а конфит – сразу ясно, что готовили на домашней кухне. Моя мать была африканеркой, а отец – англичанином, и во мне смешаны оба языка. Что-то попробовать на вкус – это на африкаанс, спорить предпочитаю на английском, но, если дело доходит до ругани, в ход снова идет африкаанс.

Абрикосовый конфит как раз дошел до нужной кондиции, стал густым и прозрачным, и тут я услышала машину. Я добавила несколько абрикосовых косточек и палочку корицы, еще не зная, что машина привезла первую составную часть рецепта любви и убийства.

Возможно, жизнь – как река, ее не остановишь, она вечно поворачивает то к смерти и любви, то в обратную сторону. Туда и обратно. Тем не менее, хоть жизнь и течет рекой, многим так и не удается поплавать. Пожалуй, это как раз обо мне.

Кару – один из самых тихих уголков в Южной Африке, и урчание мотора слышно изда- лека. Я выключила газовую горелку и накрыла кастрюлю крышкой. У меня хватило времени помыть руки, снять синий фартук, глянуть на себя в зеркало и поставить чайник.

Я услышала визг тормозов, глухой удар и догадалась – это Хэтти. Водить машину совсем не умеет. Я выглянула и увидела: ее белая «тойота этиос» поцеловалась с эвкалиптом на моей подъездной дорожке. Хорошо, что не с моим старым пикапчиком-баки «ниссан». Из холодильника я достала мельктерт¹. Харриет Кристи – моя подруга и редактор «Кляйн-Кару газетт», где я веду страничку с рецептами. Вообще-то я не журналист, просто танни², тетушка, которая любит много готовить и слегка пописывать. Мой отец был журналистом, а мама – отличной кухаркой. Не сказать, что у них было много общего, но мне нравится думать, что моя кулинарная страничка – это занятный способ их как-то объединить.

Хэтти была в выходной церковной одежде: розоватая юбка и жакет. В своих туфлях на высоких каблуках она слегка покачивалась на персиковых косточках, усеивавших дорожку, но на брусчатке держалась вполне уверенно. Мне до сих пор неловко при виде людей, возвращающихся из церкви, – после смерти моего мужа Фэни я не была там ни разу. Я столько лет уютно и чинно сидела рядом с ним на деревянных скамьях и слушала проповеди, а потом мы вместе ехали домой и Фэни все ворчал на меня, – в итоге церковь стала мне не мила. Жизнь так сурово со мной обошлась, что я вообще перестала во что-либо верить. За годы жизни с мужем Бог, вера, любовь улетели из моей жизни через окно.

С тех пор я держу окна открытыми, но ничего из улетевшего так и не вернулось.

И вот Хэтти уже у двери. Стучать не нужно – дверь у меня всегда открыта. Я люблю свежий воздух, запах вельда с его дикими кустами и сухой землей и тихие звуки, которые издают мои куры, когда копаются в куче компоста.

– Заходи, заходи, скат³, мое золотко, – сказала я ей.

¹ Африканерский десерт, состоящий из песочного теста с начинкой из заварного крема, который готовится из молока, муки, сахара и яиц. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Тетушка (афр.).

³ Ласковое обращение в языке африкаанс.

Многие южноафриканские дамы раздружились со мной, когда я ушла из Голландской реформатской церкви, но Хэтти – англичанка и ходит в церковь Святого Луки. В Ледисмите церковей никак не меньше сорока. В церкви Святого Луки цветные и белые сидят бок о бок в полной гармонии. Нам с Хэтти обеим за пятьдесят, но в остальном мы друг от друга заметно отличаемся. Хэтти высокая и худая, аккуратно причесанная блондинка, эдакая чопорная англичанка. Я коренастая и мягкая – чересчур мягкая там, где не надо, – с короткими каштановыми локонами и небрежным африкаанс. У нее глаза голубые, как вода в бассейне, а у меня зеленые, как в пруду. Ее любимые туфли – лакированные на каблуках, а я предпочитаю кожаные фелтскуны. Хэтти не особо заботится о еде, хотя и любит мой мельктерт, а для меня готовка и еда – это главный смысл жизни. Мама привила мне любовь к кулинарии, но только выяснив, что от общества мужа мне ни холодно ни жарко, я поняла, что в обществе еды мне куда приятнее. Кто-то скажет, что я придаю еде уж слишком большое значение – пусть говорят, что хотят. Без еды мне будет очень одиноко. Без еды я просто умру. С Хэтти мне тоже приятно, мы всегда рады друг другу. Сами знаете, как это бывает, – с кем-то можешь просто быть самим собой.

– Доброе утро, танни Мария, – сказала она. Мне нравится, как она иногда называет меня «танни», хотя и произносит на свой английский манер, будто рифмуя с «пенни», хотя на самом деле это рифмуется со словом «няня». Она наклонилась поцеловать меня в щеку, но промахнулась и поцеловала сухой воздух Кару.

– Кофе? – спросила я. Потом взглянула на часы. Англичане не любят кофе после одиннадцати. – Чай?

– Супер, – сказала Хэтти, восторженно хлопая в ладоши, как Мэри Поппинс.

Но сама она на супер не тянула: хмурая, морщинки – как листья на дереве гуари⁴.

– Все нормально, скат? – спросила я, готовя поднос с чаем. – Что-то тебя беспокоит?

– Мне очень нравится твой дом, – сказала она, похлопав по деревянному кухонному столу. – Сосновые балки, толстые глинобитные стены. Такой... натуральный.

Когда Фэни умер, я продала наш дом в городе и купила этот здесь, в вельде, среди лугов.

– Милый старинный фермерский дом, – сказала я. – Что у тебя случилось, Хэтс?

Она втянула щеки, будто слова застревали в горле.

– Давай сядем на веранде, – предложила я и понесла поднос к столу и стульям снаружи.

С моего крыльца виден сад с газоном, овощами и разными деревьями. А по ту сторону невысокого деревянного забора – длинная грунтовая дорога, она ведет к моему дому и сухому вельду с кустами и старыми гуари. До ближайшего дома несколько километров, он скрыт за коппи⁵, но деревья – прекрасные соседи.

Хэтти поправила юбку и села. Я хотела поймать ее взгляд, но он блуждал по всему саду, будто она наблюдала за летающей птицей. Одна из моих рыжих кур вышла из-под куста герани, где отдыхала, и приступила к трапезе на компостной куче. Но это была не та птица, за которой наблюдала Хэтти. Ее птица порхнула с лимонного дерева на огород, потом перепрыгнула с одного цветущего куста на другой и обратно. Я слышала, как вокруг нас поют птицы, но на что именно смотрит Хэтти, понять не могла.

– Что-то видишь в вельде? – спросила я.

– Как жарко, прямо спасу нет, – сказала она.

Она достала из кармана конверт и стала им обмахиваться.

– Давай угощу тебя молочным пирогом.

Я нарезала пирог на кусочки и разложила по тарелкам.

– Нужен дождь, и поскорее, – сказала она.

⁴ Эуклея, невысокое вечнозеленое дерево с плотной кожистой листвой.

⁵ Невысокие каменистые холмы (*афр.*).

Теперь она следила за невидимой птицей, будто та прыгала по всему столу. Я подвинула к ней тарелку.

– Твой любимый, – заметила я.

Я видела, что Хэтти хочет поговорить не только о погоде. Лицо покраснелось, будто она проглотила что-то горячее, но уголки губ сжаты.

Хэтти не из тех, кто лезет за словом в карман, поэтому я не стала ее торопить. Разлила чай, посмотрела на сухой вельд. Дожда не было уже давно. За вельдом простирались низкие холмы Кляйн-Кару, вверх-вниз, вверх-вниз, как волны. Так и тянутся, как буруны на море. Я взяла свой мельктерт и откусила кусочек. Просто вкуснятина: ваниль, молоко и корица прекрасно сочетаются, вкус какой-то благодный. Да и сам пирог прекрасен – гладкий, легкий, а корочка тонкая и хрустящая.

Хэтти смотрела в свою чашку, будто ее воображаемая птица залетела туда. Я засекла настоящую птицу в тени гуари, но разглядеть, какую именно, не могла – далеко. Я люблю эти старые деревья. Некоторым из них тысячи лет. Узловатые, скрученные, как локти и колени, листья темно-зеленые и морщинистые.

Хэтти выпрямилась и сделала глоток чая. Вздохнула. Веранды как раз для этого и нужны. Пить чай, вздыхать и смотреть на вельд. Но Хэтти все еще смотрела в свою чашку.

– Вкуснятина, – сказала я, подбирая последние крошки мельктерта с тарелки.

Моя птица подлетела ближе и устроилась на ветке терновника. Это был сорокопут. Прилетел охотиться.

Хэтти не прикоснулась к молочному пирогу, и это было уже невыносимо.

– В чем дело, Хэтти, милая моя?

Она глотнула и положила конверт на стол.

– Черт возьми, Мария, – сказала она. – Дурные новости.

Чай и мельктерт в моем животе сошлись в легком танце.

Глава вторая

Я не из тех, кто спешит с плохими новостями, поэтому долила себе чаю и взяла кусок молочного пирога. Хэтти с несчастным видом допивала первую чашку. Конверт так и лежал на столе и сулил плохие новости.

– Это из головного офиса, – сказала она, проведя рукой по утолщению на горле.

Возможно, проглоченный ею воздух застрял там.

Хэтти не часто получала известия из головного офиса. Обычно оттуда слали какие-то инструкции. Местные газеты – как это там называется – синдицированные. Каждая газета работает независимо и по большей части существует за счет рекламы, но все равно должна следовать правилам головного офиса.

Сорокопут спикировал с ветки терновника на землю.

– Мария, они говорят, что у нас обязательно должна быть колонка с советами, – сказала она.

Я нахмурилась. О чем, собственно, речь?

– Как колонка советов о личной жизни, – сказала она. – Про любовь и все такое прочее. Мол, от этого вырастут продажи.

– Да. Возможно, – согласилась я.

И где тут плохие новости?

– У нас просто нет места. И средств, чтобы печатать четыре дополнительные полосы, если добавлять колонку. – Она сложила руки, как книгу. Я знала, как это работает. Четыре страницы печатают на одном большом листе. – Я попробовала переделать макет. Посмотреть, что можно выкинуть. Но выкидывать нечего. Совсем нечего.

Я поерзала на стуле. Сорокопут что-то поймал и взлетел обратно на ветку.

– Я звонила им в пятницу, – сказала Хэтти. – Хотела объяснить, что, к сожалению, сейчас мы просто не можем этого сделать. – Горло у нее сдавило, как пластиковую трубочку. – Они сказали, что можно убрать колонку с рецептами.

Ее голос звучал словно издалека. Я наблюдала за сорокопутом, в клюве он держал ящерицу. Он нанизывал ее мясо на большой белый шип.

– Танни Мария.

Интересно, ящерица еще жива?

– Я спорила, говорила им, что читатели обожают твою колонку. Но они сказали: нужна колонка с советами, это не обсуждается.

Этот летающий мясник собирается оставить мясо сушиться, хочет сделать билтонг⁶?

– Танни Мария.

Я посмотрела на нее. Вид у нее был такой несчастный, будто под откос катилась ее жизнь, а не моя. Колонка с рецептами – это моя жизнь. Вовсе не из-за денег. Да, дополнительные деньги на пропитание не помешают. Пенсии, которую я получаю после смерти мужа, хватает в обрез. Но в этой колонке я рассказываю о самом для меня главном: как я готовлю.

У меня пересохло в горле. Я глотнула чая.

– Но я вот что подумала, – сказала Хэтти. – Советчицей можешь стать ты. Будешь вести колонку с советами о любви и прочем.

Я фыркнула. Не очень благородный звук.

– Я ничего не знаю про любовь, – сказала я.

Как раз в этот момент одна из моих кур, наседка с темным оперением вокруг шеи, прошла по лужайке, что-то поклевывая на земле, и я вдруг прониклась к ней любовью. Я любила вкус

⁶ Вяленое мясо по-южноафрикански.

моего мельктерта, запах запекающихся сухариков и долгожданный шум дождя после засухи. И любовь была неотъемлемой частью всего, что я готовила. Но колонка с советами – это не про мельктерт, не про любовь к курице.

– Во всяком случае, про такую любовь, – уточнила я. – Какая из меня советчица? Поищи кого-то вроде танни Гаусс, она работает в хозтоварах. Вот у кого есть совет для каждого.

– У тебя есть прекрасная черта, Мария, – ты никогда не даешь советов, когда тебя не просят. К тому же ты прекрасно умеешь слушать. Когда надо обсудить что-то важное, мы идем именно к тебе. Помнишь, как ты помогла Джесси, когда она не могла решить, перебраться ли ей на работу в Кейптаун?

– Я помню, что дала ей куксистерс⁷...

– Ты ее выслушала и дала отличный совет. Благодаря тебе она осталась здесь, с нами.

Я покачала головой и сказала:

– Все-таки если я что ей и дала, так это куксистерс.

– Есть другая идея, – предложила Хэтти. – Почему бы тебе не написать кулинарную книгу? «Рецепты танни Марии». Может, я помогу тебе с издателем.

Я услышала жужжание, подняла глаза и увидела: сорокопут улетает. Оставив ящерицу на колючке.

Книга – на самом деле, мысль неплохая, но изо рта вылетело:

– Писать книгу – это так одиноко.

Она протянула ко мне руку. Но моя рука так и лежала, где лежала.

– Ох, танни Мария, – сказала она. – Мне так жаль.

Хэтти была хорошей подругой. Зачем ей страдать из-за меня? Я сжала ее руку.

– Съешь немного мельктерта, Хэтс, – сказала я. – Он удался.

Она взяла вилку, и я положила себе еще кусочек. Я тоже страдать не собираюсь. Да и что я выдумала про одиночество? Сажу на своей веранде с прекрасным видом на вельд, рядом хорошая подруга и первоклассный молочный пирог.

– А что, если я буду читать письма читателей и предлагать рецепт, который им поможет?

Хэтти доела кусок пирога, потом ответила:

– Надо дать им какой-то совет.

– Кулинарный, – сказала я.

– Они будут писать о своих проблемах.

– На каждую проблему – свой рецепт.

Хэтти ткнула вилкой в воздух и сказала:

– Еда как лекарство для тела и души.

– Именно.

– Тебе придется что-то посоветовать, заодно дать рецепт.

– Любовные советы и кулинарные рецепты танни Марии.

Хэтти улыбнулась, и ее лицо стало прежним.

– Боже милостивый, танни Мария. Давай попробуем.

И она заработала вилкой и доела мельктерт.

⁷ Традиционная южноафриканская сладкая выпечка.

Глава третья

И вот так на веранде мы с Хэтти и решили сделать колонку «Любовные советы и кулинарные рецепты танти Марии». И колонка оказалась популярной. Мне стали писать со всего Кляйн-Кару. В ответных письмах я предлагала рецепты, которые и вошли в эту книгу: «Рецепты любви и убийства». И вот я наконец-то пишу кулинарную книгу. Не такую, какую собиралась, но все-таки.

Одно повлекло за собой другое, самым неожиданным образом. Но не будем ставить мой рассказ с ног на голову, для начала попробуйте...

Главный рецепт в этой книге – рецепт убийства. С рецептом любви сложнее, но, как ни странно, он возник на основе этого убийственного рецепта:

РЕЦЕПТ УБИЙСТВА

- Один крупный мужчина, который жестоко обращается с женой
- Одна маленькая нежная жена
- Одна крепкая женщина среднего роста, равнодушная к этой жене
- Одно двуствольное ружье
- Один городок Кару, замаринованный в тайнах
- Три бутылки бренди «Клипдрифт»
- Три уточки
- Одна бутылка гранатового сока
- Одна горсть перца чили
- Один заботливый садовник
- Одна кочерга
- Одна суперсексуальная женщина из Нью-Йорка
- Семь адвентистов седьмого дня (готовые к концу света)
- Одна крутая журналистка-расследователь
- Два охлажденных полицейских
- Один ягненок
- Горсть смеси ложных следов и подозреваемых
- Щепотка жадности

Поместить все составляющие в большой котелок и кипятить на медленном огне, помешивая деревянной ложкой в течение нескольких лет. Ближе к концу добавить уток, перца, бренди и поставить на большой огонь.

Глава четвертая

Всего через неделю после нашей с Харриет беседы на веранде начали приходить письма. Помню, как Хэтти, стоя в дверях редакции «Кляйн-Кару газетт», показывала их, словно карточный фокус. Видимо, она услышала, что я подъезжаю на своем баки, и вышла мне навстречу.

– Ура, тинни Мария! Твои первые письма! – крикнула она.

На ней было желтое платье, а волосы отливали золотом в лучах солнца. Было жарко, и я медленно прошла по выложенной плоскими камнями дорожке между горшками с алоэ и кактусами. Маленький офис упрятан за местной художественной галереей и детским садиком на Эланд-стрит.

– Кактусы цветут, – заметила я.

На толстеньких растениях появились розовые цветки, отливающие серебром на свету.

– Вчера пришли. Целых три, – сказала она, протягивая мне письма.

Офис газеты – свежерыкрашенные белые стены, дощатый сосновый пол, высокие потолки. На внешней стене – большое круглое вентиляционное отверстие с красивым рисунком, такие называют «Ледисмитские очи». Дом старинный, наш офис раньше был спальней. Места хватает только для трех деревянных столов, раковины и небольшого холодильника, но Джесси, Хэтти и мне этого вполне достаточно. С нами работают еще несколько фрилансеров из ближайших городков, но они присылают свои работы Хэтти по электронной почте.

Под потолком крутился большой вентилятор, но приносил ли он в комнату прохладу – большой вопрос.

– Йислайк⁸, – выдохнула я. – В такой день сухарики можно готовить и без духовки.

Я поставила на стол банку со свежими сухариками. Джесси оторвалась от своего компьютера и улыбнулась мне и жестянке.

– Тинни М., – приветствовала она меня.

Джесси Мостерт – молодая журналистка нашей газеты. Цветная, она получила стипендию для учебы в Грэмстауне, а потом вернулась работать в родной город. Ее мать – сестра милосердия в ледисмитской больнице.

На Джесси светлые джинсы, ремень со множеством кармашков и черная жилетка. Густые черные волосы собраны в конский хвост, на темных предплечьях вытатуированы гекконы. На столе рядом с компьютером – мотошлем и джинсовая куртка. Джесси обожает свой маленький красный скутер.

Хэтти положила письма на мой стол, рядом с сухариками и чайником. Я работаю неполный рабочий день, поэтому часть моего стола занимают чайные принадлежности. Я не против. Я включила чайник, достала чашки из маленькой раковины.

Хэтти села за стол и углубилась в свои записи.

– Джесс, – сказала она. – В субботу церковный праздник, надо о нем написать.

– Господи, Хэтти. Опять праздник. Я вообще-то журналистскими расследованиями занимаюсь.

– Да, конечно, девушка с татуировкой геккона.

– Не смешно, – сказала Джесси, улыбаясь.

Я посмотрела на три письма на моем столе – нераспечатанные подарки. Решила сначала приготовить кофе на всю компанию.

– Надо сделать фото лоскутных одеял, которые сшили в кружке при церкви, – у них на празднике будет свой стенд, – сообщила Хэтти.

⁸ Южноафриканское слово, выражающее восторг или удивление.

– Опять эта лапписгруп⁹. В прошлом месяце я сделала про них целый материал – возрождение культуры африкаанс.

– Не переживай, Джесси, дорогая, наверняка еще подвернется что-то интересное, – ответила Хэтти, что-то записывая в блокнот. Вроде бы она не видела, как Джесси закатила глаза, но добавила: – Не нравится, найди работу интереснее, есть же газеты покруче. Где-нибудь в Кейптауне.

– Нет, Хэтти, вы же знаете, мне здесь по кайфу. Просто хочется...

– Джесси, я очень довольна, что ты решила остаться здесь. Но ты девушка очень способная, и иногда мне кажется, что этот город и эту газету ты переросла.

– Мне здесь уютно, – призналась Джесси. – Здесь семья, подруги. Просто мне кажется, что в маленьком городке тоже происходят серьезные события.

Я поставила на их столы по чашке кофе, предложила свои сухарики. Хэтти до ланча ничего в рот не берет, а у Джесси при виде угощения загорелись глаза, и она про спор сразу забыла.

– Возьми два, – сказала я.

Она потянулась к жестянке, и татуированные гекконы будто поползли по руке. Я улыбнулась. Девушка любит поесть – разве это не прекрасно?

– Леккер¹⁰, – сказала она, и тут ее бедро запело: «Девушка-огонь».

– Извините, – сказала она, открывая один из кармашков. – Это телефон.

Пение стало еще громче, Джесси отошла к двери и приняла звонок.

– Да... Рехарт?

Она вышла в сад, и я больше не могла слышать ни ее голоса, ни пламенной песни. Я села за стол, макнула печенье в кофе. Семечки подсолнуха придавали ему вкус жареных орехов. Снова посмотрела на конверты.

Сверху лежал розовый конверт, адресованный тинни Марии. Почерк красивый. Я глотнула кофе и достала письмо. Оно меня так потрясло, что я даже перестала есть.

Вот что я прочитала:

Дорогая тинни Мария,

кажется, моя жизнь окончена, а мне нет и тринадцати. Если я не убью себя, это сделает моя мама. Но она пока не знает. Я целовалась с парнем, три раза. Неужели я беременна? Месячных не было давным-давно.

Ему пятнадцать. У него черная гладкая кожа и белоснежная улыбка, и он сказал, что любит меня. Мы встречались под старым деревом, а потом шли в сарай и целовались. Он говорил, что я слаще манго, которое растет на улицах его родного города. А он на вкус как шоколад, орехи и мороженое. Это моя любимая еда. Я не хотела больше ходить в сарай, но потом увидела его в тени дерева, и проснулся аппетит.

Я обмахнулась розовым конвертом и продолжила чтение.

Когда я ему сказала, что, наверное, забеременела, он сказал, что больше встречаться не будем. Я прохожу мимо этого дерева после школы, но его там больше нет.

Я так переживаю, что не могу есть. Мама говорит, что я себя извожу. Я знаю, что меня ждет ад, поэтому себя и не убиваю.

Вы можете мне помочь?

В отчаянии.

⁹ Кружок по интересам (*афр.*).

¹⁰ Вкусно (*афр.*).

Я отложила письмо и покачала головой.

Маггиг!¹¹ Трагедия...

Девочка не может есть.

Надо снова пробудить в ней аппетит.

Нужен рецепт, чтобы там были шоколад и орехи. И мороженое. И чтобы полезно для здоровья.

Конечно, можно написать, что от поцелуев не беременеют. И если она не в силах рассказать маме, можно дать ей номер телефона клиники по планированию семьи в Ледисмите. Но если придумать для нее какой-нибудь рецепт, перед которым она не устоит, можно будет обойтись без хлопот.

Бананы, подумала я. Вещь очень полезная, поможет ей окрепнуть. Как насчет мороженых бананов, погруженных в расплавленный темный шоколад с добавлением орехов? Я написала ей рецепт: темный шоколад и жареный фундук. Это поможет ей забыть о парне. А если он тоже прочитает газету? Я решила добавить в рецепт сорбет из манго. Сейчас сезон манго, взять сочные – это просто мед и солнечные лучи.

¹¹ Букв.: Всемогуций (*афр.*).

Глава пятая

Да, тут пахло горяченьким, а эти холодные рецепты выглядели аппетитно. Но передо мной лежали еще два нераспечатанных письма, куда менее привлекательные, чем замороженные бананы.

– Поработаю из дома, – сказала я Хэтти. – Надо проверить несколько рецептов.

– М-м-м, – сказала она.

Во рту у нее был карандаш, и, работая, она хмурилась.

– Хэтти, во сколько в субботу праздник? – спросила Джесси.

Джесси, сидя за своим столом, доставала из кармашка на ремне записную книжечку.

– Что за ерунда, – сказала Хэтти, нажимая клавиши на своем компьютере. – Что? В два часа.

Я поднялась, держа письма в руке.

– Важно, чтобы рецепты были что надо, – сказала я. – Неотразимыми.

Хэтти оторвалась от работы.

– Мария, дорогая, иди.

Мой бакки стоял под деревом не доезжая до офиса, рядом с красным скутером Джесси. Мы старались держаться подальше от «тойоты этиос». Хэтти уже оставила легкую вмятину на дверце моего фургона. Мой «ниссан 1400» – бледно-голубой, как небо Кару на рассвете, а белая крыша кузова напоминала пушистые облачка. Впрочем, в отличие от облаков, ее обычно покрывала пыль. Я оставила все окна открытыми, машина стояла в тени джакаранды, но все равно раскалилась внутри, как духовка. Для мороженого лучше дня не придумаешь.

Я заскочила в супермаркет, купить все необходимое для готовки. Время было тихое, и мне повезло – я остановилась поболтать всего три раза. Вообще-то поболтать я не против. Просто эти сладкие прохладительные блюда так и манили меня к себе, и я никого не могла нормально выслушать.

По пути домой через открытый вельд между бурными холмиками мимо фермерских угодий я обоняла аромат спелых манго. Свернув на грунтовую дорогу к дому, я миновала эвкалипты и припарковалась у входа рядом с лавандой. Две коричневые пеструшки лежали в тени куста герани. Они даже не поднялись поздороваться.

Я зашла на кухню, бросила сумку с продуктами на большой деревянный стол, сразу очистила шесть бананов, сунула их в контейнер и отправила в морозилку. Потом нарезала четыре манго и положила туда же. Подошла к раковине и стала объедать остатки мякоти манго с кожуры, обсасывать липкие косточки. Как тут не вывозишься?

Потом я положила фундук в ступку, растолкла деревянным пестиком и слегка обжарила на сковороде. Попробовала ореховую массу, еще теплую. Разломала плитку шоколада и положила в пароварку. Расплавлю потом, когда бананы замерзнут. Попробовала темный шоколад. Съела немного вместе с орехами, проверить, как одно с другим сочетается. Подложила еще орехов и шоколада, чтобы после моих проб не пострадал объем. Бананам и манго замораживаться пару часов. Не сидеть же просто так и ждать? Я вспомнила про письма – два письма, принесенных с работы.

Я решила выйти с ними на улицу, чтобы спокойно прочитать, ни на что не отвлекаясь. Усевшись на тенистой веранде, я открыла одно из них. Писала маленькая девочка: ей нравится мальчик, но как с ним подружиться, она не знает. Я предложила ей простой рецепт – фадж в холодильнике. Мальчики от фаджа никогда не отказываются.

Во втором письме было написано следующее:

Черт, ну что я за идиотка. Пожалуйста, порвите мое последнее письмо. Если мой муж когда-нибудь его увидит или услышит об этом... Я дура. Пожалуйста, не печатайте его. Уничтожьте его. Умоляю.

Какое последнее письмо? Чего она боялась? Я глянула на почтовый штемпель на конверте. Ледисмит. Отправлено два дня назад. Я позвонила в газету, мне ответила Джесси.

– Привет, тинни М.

– Я не оставила на столе письмо? – спросила я.

– Погодите, сейчас посмотрю.

Пока Джесси ходила, я глянула на кухонные часы. Бананы пролежали в морозилке не больше часа.

– На столе ничего нет. Но после вашего ухода пришла почта. Есть письмо для вас.

– Белый конверт. Отправлено из Ледисмита, два или три дня назад?

– М-м-м... – проурчала она. – Да.

– Я готовлю замороженные бананы с шоколадом и орехами, – сообщила я. – Если хочешь, загляни...

– Могу заскочить в обеденный перерыв? Заодно принесу ваше письмо.

– Отлично, – сказала я.

Не понравился мне этот муж из письма. В животе затрепетало. Надо забросить в желудок что-то сладкое. Бананы еще не замерзли, но вместе с орехами и шоколадом они прекрасны. Все равно надо как следует протестировать рецепт – замороженный банан и растопленный шоколад, – и я решила, что одним бананом можно пожертвовать.

Чтобы выбраться из кухни, я надела свои фельтскуны¹², старую одежду, соломенную шляпу – и пошла в огород. У меня было две пары фельтскунов: одна цвета светлого хаки, попримечнее, другая темно-коричневая, скорее для работы в огороде. На улице жарило, как в печи, но лимонное дерево затеняло часть огорода, и я опустилась там на колени и взялась за прополку.

На листьях салата устроились улитки, и я сбросила их на кучу компоста – пусть куры полакомятся.

Здорово, что у меня есть хорошая вода из скважины. Дождя не было очень давно. Солнце Кару так и норовит вытянуть всю влагу из растений и людей. Но мы стискиваем зубы и держимся. Нам в помощь – мелкая растительность и прочие кактусы. На ночь я втираю в кожу оливковое масло, чтобы не превратиться в билтонг. Но когда выхожу на улицу – никакого масла, иначе солнце меня поджарит и превратит в феткук¹³ из тинни Марии.

Вскоре солнце совсем разгулялось. Я встала, стряхнула землю с колен, помыла руки под краном в саду. Сняла шляпу, плеснула в лицо прохладной водой, вытерлась носовым платком. Потом вошла в дом, сунула шоколад в пароварку, чтобы растаял, из морозилки вытащила манго. Плоды подмерзли, но не окаменели, – то что надо. Я измельчила их в блендере, переложила этот чудесный сорбет в пластиковый контейнер и снова поставила в морозилку.

Услышав скутер Джесси, я достала бананы из морозилки и растопленный шоколад с плиты. С помощью маленьких щипцов для барбекю я окунула замороженные бананы в миску с темным шоколадом, а потом сунула в тарелку с поджаренными орехами.

В кухню с улыбкой вошла Джесси.

– Ого, тинни М., что-то пахнет леккер, какая-то вкуснятина. Йислайк, что это?

¹² Южноафриканские кожаные ботинки.

¹³ Южноафриканский вариант пышки или пончика – жарится в масле.

Она положила шлем и джинсовую куртку на кухонный стул и усталилась на бананы с шоколадом и орехами, которые я выкладывала на вощеную бумагу. Закончив с пятью бананами, я положила их в морозилку.

– Сначала закуска, – сказала я и наполнила две миски манговым сорбетом.

– Слушайте, тинни, это просто кайф. Что это?

– Манго.

– Да, но там же что-то еще?

– Только манго.

– Не может быть. Правда, что ли?

– Да. Лучшие – зилл, но они еще не спели. Эти томми аткинс, тоже очень хороши. Ну и немного сока лайма для пикантности.

– Круто. Потрясающе.

Я поставила пустые миски в раковину и принесла две тарелки для основного блюда. Джесси поправила ремень.

– Что это за штуки у тебя на ремне, Джесси? – спросила я, раскладывая бананы по тарелкам.

– М-м-м, – проурчала она, поглаживая многочисленные кармашки, висевшие у нее на бедрах. – Фотоаппарат, телефон, блокноты, нож, фонарик, перцовый баллончик. Как-то так. – Она во все глаза смотрела на шоколадный банан. – Выглядит соблазнительно.

– Да, вид у них странный, – признала я. – Чего-то не хватает.

– Есть положено руками?

– Не уверена, – ответила я. – Никогда еще не готовила. Если что, вот нож и вилка... Погоди минутку. Сливки. Вот что нужно. – Я положила на тарелки по большой ложке взбитых сливок. – Так явно лучше.

Мы начали с ножа и вилки, но потом стали есть руками – так вкусно, что не до этикета.

За что уважаю Джесси – она ценит еду. И тело у нее что надо, с изгибами и утолщениями в нужных местах.

Мы ели молча, наконец, Джесси закрыла глаза и чуть застонала.

– Йислайк, – сказала она, полакомившись. – Лучший банан в моей жизни, черт ее дери.

Я улыбнулась и принесла вторую порцию десерта. Еще один замороженный банан с шоколадом и орехами – и сливками. Себе я тоже взяла добавку, за компанию. Так хотелось, чтобы девушка, которой предназначался рецепт, словила не меньший кайф, чем Джесси.

Джесси подчистила остатки шоколада на своей тарелке. Вдохнула, погладила одного из своих татуированных гекконов. Водится за ней такой жест, когда довольна до крайности.

– Ладно, мне пора назад. – Она встала и открыла кармашек на поясе. – Вот ваше письмо. Оно словно обожгло мне ладони.

Глава шестая

Когда Джесси ушла, я даже не стала убирать со стола. Вышла на улицу, села на металлический стул в тени лимонного дерева и вскрыла конверт.

Почерк был тот же, что и в предыдущем письме.

Дорогая танти Мария,

мне всегда нравились ваши рецепты. Я перечитываю их каждую неделю. Мне стыдно, что я обращаюсь к вам за советом. Я сделала свой выбор, мне с этим и жить, но после того, что только что произошло...

Я обещала любить и слушаться этого человека. Моего мужа. Любовь иссякла, но я делаю все, что в моих силах. Он тоже вносит свою лепту, платит за нашего сына, у которого церебральный паралич, он находится в лечебнице.

Муж меня избивает, только когда пьян или ревнует. Если я не сопротивляюсь, это не так страшно. Потом он говорит, что сожалеет, во что я, как ни странно, верю, и что это больше не повторится, во что я не верю. Иногда он просто срывается. Видимо, это как-то связано с его отцом и со службой в армии. Ему снятся кошмары об армии. Не то чтобы я его оправдываю, просто говорю, что он не монстр.

У меня пересохло во рту, и я встала, оставив недочитанное письмо на стуле. Вошла в дом и налила себе стакан воды из холодильника. У меня немного дрожали руки. Когда глотала, отдавалось в груди. Так бывает, когда я пью холодную воду слишком быстро. Я вернулась в сад и продолжила читать письмо.

Побои случаются примерно раз в месяц. Секс – раз в неделю. Значит, у меня есть двадцать пять дней в месяц, когда он не сильно меня беспокоит. Я провожу много счастливых часов с подругой, она навещает меня, когда его нет дома. Я работаю только два раза в неделю по утрам, поэтому много времени провожу дома. У нас с ней что-то вроде любви друг к другу, хотя отношения чисто платонические.

Она подарила мне уток. Трех белых декоративных уток. Мы обустроили пруд, чтобы они могли в нем плавать.

Эти утки – первые, кого я полюбила по-настоящему. Без чувства вины или боли. Чистая и светлая радость. Я могла смотреть на них часами: как они плавают, как ходят вперевалку, как копаются в траве, как лежат, уткнувшись клювами в перья.

Он их застрелил.

Всех троих.

Из своего гребаного дробовика.

Когда они спали.

Я хотела убить его. Схватила кухонный нож и кинулась на него. Он держал меня за руки, пока я не выплакалась до изнеможения.

Муж выпил бутылку бренди «Клипдрифт». Он ревновал меня к подруге и уткам. Но последней каплей стало карри, которое я приготовила. Он сказал, что баранина жесткая, а карри слишком острое. Сказал, что мне на него плевать. И в обоих случаях был прав.

Вы можете дать мне рецепт хорошего карри из баранины?

И еще что-нибудь посоветовать?

Искренне ваша,

Отчаявшаяся

Я долго сидела с письмом на коленях, глядя на свои фельтскуны и вспоминая то, о чем вспоминать не хотелось. Солнце медленно выводило меня из тени, и его тепло ложилось мне на ноги и плечи. Но я дрожала, меня колотил озноб. Потом мне вдруг стало жарко, солнце обожгло кожу. Ветер зашелестел в листьях деревьев, я встала и вошла в дом.

В животе что-то неприятно бурлило. Я съела последний замороженный банан, и тяжелые ощущения как-то ушли на второй план. Бананы в шоколаде заполнили пустоту в желудке. Но разум и мысли по-прежнему шли туда, куда мне не хотелось идти. Руки снова задрожали.

Я сварила себе большую кружку кофе, не пожалела сахара, и отнесла ее на веранду, к столику, прихватив письмо, ручку и бумагу. Может, сладкий кофе поможет прийти в себя? Но даже целая кружка кофе не помогла, я все равно чувствовала себя подавленной. Меня переполняла печаль, и я не могла от нее избавиться. Вспомнились годы, что я провела с мужчиной, почти таким же, как ее муж. Не совсем таким. Он не убивал моих уток. У меня их не было. Как не было и хорошей подружки, которая могла бы сделать мне такой подарок. Что до избиений, они случались скорее раз в неделю, а вымученный секс – раз в месяц. Если повезет. Но в целом все было очень похоже. Даже бренди тот же – «Клипдрифт». Однако я никогда не кидалась на него с ножом. И я не ушла от него. Я боялась умереть. И жить тоже боялась.

Когда у Фэни случился сердечный приступ и он умер, что-то во мне словно вырвалось на свободу. Но пока он был жив, сбежать я просто не могла. Даже священник в нашей церкви говорил, что мой долг – оставаться с мужем, вот я и осталась.

Надеюсь, эта женщина не поступит так же. Я взяла ручку. Мы, конечно, не будем печатать ее письмо, но рецепт и письмо от меня – можем. Я долго думала, что ей сказать, писала и зачеркивала. На ответ ушло два часа и тарелка мангового сорбета. В конце концов получилось вот что:

Я слишком много лет прожила с мужчиной, который меня бил. Синяки и переломы заживают. Но сердце – сердце может так никогда и не зажить. Любовь драгоценна. Если мужчина вас обижает, вы должны от него уйти. Я знаю, это трудно по многим причинам. Но найти выход можно.

Вы можете справиться с этим лучше, чем я. И спасти свое сердце.

Затем я написала свой лучший рецепт карри из баранины, приготовленного на медленном огне. На ум сразу же пришло блюдо из утки в мускателе, но его я, конечно, не предложила. Рецепт карри из баранины, вместе со всеми другими рецептами, вы найдете в конце книги. Это очень нежное и вкусное карри с чудесной пряной пастой самбал.

Глава седьмая

Пару недель спустя я, борясь с утренней жарой, топала в своих фельтскунах по тропинке к офису. Подойдя к двери, изнутри я услышала голоса.

– Это супер-пупер, – сказала Хэтти. – Я знала, что ты прекрасно справишься со статьей о празднике.

– Да ладно вам, Хэтти. Есть другая тема, которую я хотела с вами обсудить. Что у нас творят фермеры, и как чрезмерный выпас скота и пестициды губят экосистемы...

– Мария. – Увидев меня, Хэтти хлопнула в ладоши. – Посмотри на свой стол – тебя завалили письмами. Разве это не чудесно?

Я встала под потолочный вентилятор – высушить пот на лице и шее. Казалось, мое коричневое хлопковое платье помялось и прилипло к телу, хотя поутру оно было в идеальном состоянии. Хэтти сидела за своим столом и стряхивала какую-то пылинку с гладких хлопчатобумажных брюк абрикосового цвета. Как ей всегда удается выглядеть такой элегантной? Джесси улыбнулась и протянула мне стакан холодной воды. На круглом смуглом лице сияла улыбка.

– Данки, скат¹⁴, – сказала я и протянула ей пластиковый контейнер. – Бубути¹⁵ для тебя.

– О-о, леккер, – сказала Джесси и убрала контейнер в маленький холодильник.

Она немного постояла у открытой дверцы холодильника, приподняв густой конский хвост над черной жилеткой, чтобы воздух изнутри охладил лицо и шею.

«Девушка-огонь», – пропел мобильник. Она вытащила его из кармашка, нажала кнопку, и песня смолкла.

– Это просто напоминалка, – объяснила она.

– Господи, Джесс. Мы и без напоминалки знаем, что сейчас жарко, – сказала Хэтти.

– Нет. – Джесси улыбнулась. – Это чтобы не забыть зайти на один сайт, он уже должен быть готов...

Она подошла к своему компьютеру и что-то набрала на клавиатуре. Я села за стол, держа стакан прохладной воды. Прошло уже две недели, как мы начали вести новую колонку, и нас завалили письмами. Оказалось, многим позарез нужны мои рецепты и советы. Это, конечно, большая ответственность, но я была довольна. Давая кому-то рецепт, я обычно это блюдо и готовила. То есть либо пишу, либо готовлю. Больше, чем могу съесть сама. Когда что-то остается – замораживаю и угощаю Джесси.

Я оставила стакан и взяла со стола толстую пачку писем.

– Ну и ну, – сказала я. – И как тут выбрать?

Я разложила их на столе, как пасьянс. Места в газете максимум на два письма в неделю, значит, остальные остаются без ответа. Когда указывали обратный адрес, я отвечала лично. Но, как правило, его не указывали.

– Мария, дорогая, мы работаем над твоей проблемой, – сообщила Хэтти. Она посмотрела на Джесси, сидевшую за своим компьютером. Та кивнула и показала Хэтти поднятый вверх большой палец. – И мы рады сообщить тебе, что у нас появился свой сайт. Возникли спонсоры – агентство недвижимости Кляйн-Кару. Лучше места для твоих писем и не придумаешь. Читатели будут писать тебе по электронной почте.

– Идите сюда, взгляните, – позвала Джесси.

– Ого, – обрадовалась я. – Спасибо, скат. – Не хотелось быть неблагодарной. – Но у тех, кто мне пишет, наверняка нет доступа в интернет. Это же... простые люди.

¹⁴ Спасибо, милая (*афр.*).

¹⁵ Южноафриканское блюдо: пряное рубленое мясо, запеченное с яично-молочной смесью.

– Вы удивитесь, – сказала Джесси. – Но интернет теперь есть у многих. А в маленьких городках появились интернет-кафе.

Я подошла и взглянула на экран. Сайт назывался «Кляйн-Кару газетт», как наша газета. Джесси кликнула на иконку, и открылась страница с надписью: «Любовные советы и кулинарные рецепты от танны Марии». Тут же была изображена совершенно на меня не похожая симпатичная тетушка с очаровательным тортиком в форме сердца в руках.

– И правда, очень мило, – признала я. – Знаю, я отстала от жизни и все такое... все эти сайты.

– Расскажи ей, Джесси, о чем ты договорилась.

– Я поговорила с директором сырного магазина «Пармалат», – сообщила Джесси. – Они купили место для рекламы рядом с вашей колонкой, и... Наверное, видели, у них возле магазина висит доска с объявлениями и прочим? Так вот, они согласились повесить еще одну, специально для писем и рецептов танны Марии.

– Ой, мама дорогая, – сказала я, улыбаясь им обоим. – Как мило.

– И теперь, – сказала Хэтти, – мы сможем платить тебе чуть больше. Ведь тебе придется писать больше писем.

– Очень многие пишут анонимно, – усомнилась я. – Как им отвечать?

– Дорогая, будешь отвечать на сайте и на доске объявлений.

– Насчет «Пармалата», – сказала Джесси. – Они просят добавлять в рецепты побольше молочных продуктов. Сливки, сыр и все такое.

– Во все?

– Нет, хотя бы в те, что будут висеть на доске у их магазина.

– Ну, с этим справимся, – подтвердила я. – Сыр я люблю.

Я собиралась сварить кофе, прежде чем взяться за работу, но меня остановил почерк на одном из конвертов. Я отодвинула остальные письма в сторону и открыла это.

Письмо написала женщина с мертвыми утками.

Лично для танны Марии (не для публикации)

Карри из баранины получилось превосходным. Кажется, оно немного успокоило моего мужа. Я угостила и свою подругу, ей очень понравилось.

Я обдумываю план, который позволит мне уйти. Сразу не получится, надо кое-что подготовить.

Спасибо.

Иногда хочется, чтобы письма не были анонимными. Чтобы я могла ответить. Конечно, есть опасность, что письмо увидит муж этой женщины. Ответ любительнице уток созрел у меня в голове:

У вас все получится! Я пришлю все известные мне рецепты, чтобы вам помочь.

В офисе есть ящик, где я храню письма с благодарностями. Но ее письмо я туда класть не стала. Я беспокоилась за нее, ведь пока что она не сбежала. Я решила отнести ее письмо домой и положить в особенное место.

Я приготовила всем кофе и стала читать остальные письма. Хэтти и Джесси спорили о статье, но я погрузилась в работу за ноутбуком, и их голоса словно отключились. Вообще-то я люблю писать от руки, но на компьютере легче исправлять ошибки.

К обеду у меня разболелась голова, но на душе стало хорошо. Осталось ответить всего на два письма. Всем остальным – подросткам и бабушкам, мужчинам и женщинам, пишущим

о своих проблемах и мечтах, – я дала небольшой совет и хороший рецепт. Лучшим рецептом, который постоянно напоминал мне, что пора обедать, был картофельный салат с мятой и сливками. Надо идти домой и отведать это блюдо. А еще – взять домой письмо от утиной леди. Пусть мне с ней не связаться, но можно хотя бы заботиться о ее письме, будто оно – частичка ее.

– Еду домой, – сказала я Хэтти.

У меня дома прохладнее, чем в офисе. И есть ледяной домашний лимонад.

– Боже милостивый, – всполошилась Хэтти, взглянув на циферблат, – уже час!

– Я почти все письма написала, сдам завтра, – добавила я. – Просто надо решить, какие для газеты, а какие для сырнета.

Хэтти рассмеялась. У нее был звонкий смех, как прохладная вода.

– Ну, ты же понимаешь, – сказала я. – Я перегрелась и проголодалась, уже язык заплетается.

Прежде чем сесть в свой голубой бакки, я открыла все дверцы – выгнать наружу волны жары. Но сиденье все равно обжигало кожу там, где ее не прикрывало платье. Я поехала с открытыми окнами, и горячий воздух сушил мне легкие.

Холмы жались к земле, будто пытались спастись от жары. Расколотый надвое лысый пик Тауэрскоп на вершине Свартберга торчал высоко в небе, не стесняясь солнца. Склоны горы казались размытыми и шаткими.

Дома, прежде чем налить себе лимонада, я положила письмо на кухонную полку. В большую кулинарную книгу, подаренную мне мамой. Я открыла «Готовь с удовольствием», вложила письмо от утиной леди между страницами и закрыла книгу, защищая ее слова. Мне хотелось поддержать ее, послать ей все, в чем она нуждается.

День я провела в обществе картофельного салата: сначала я его приготовила, потом съела за обеденным столом, а потом, сидя рядом с его остатками, стала читать два последних письма, вооружившись ручкой и бумагой.

Одно письмо было от девочки – у нее не было друзей, зато она участвовала в школьном кулинарном проекте. Другое – от старика, живущего в одиночестве на ферме, у которого холодильник забит фаршем. Видно было, что оба автора несчастливы, и я какое-то время сидела в задумчивости – чем я могу им помочь? Они просили у меня рецепты, но было очевидно, что они одиноки и им не хватает любви. Однако рецепта любви я не знала.

Что, если дать им действительно хорошие простые рецепты? Они сами что-то приготовят и пригласят кого-нибудь поесть с ними. Есть прекрасный рецепт макарон с сыром, это вполне подойдет девочке. А старику – лучшие спагетти болоньезе. Даже если они в итоге съедят их сами...

– Давай начистоту, – обратилась я к картофельному салату. – Неужели любовь лучше, чем вкусная еда?

Еда – хороший собеседник, но она ничего не говорит тебе в ответ, во всяком случае словами. Возможно, поэтому она и хороший собеседник. Тем не менее каким-то образом еда вышла со мной на связь, потому что в следующую минуту я уже доедала остатки картофельного салата со сливками и мятой.

Рот наполнился восхитительными вкусами, в желудке разлилось блаженство, и я сама ответила на свой вопрос:

– Думаю, что нет.

Глава восьмая

На следующее утро зазвонил телефон. Это была Хэтти.

– Ты слышала? – спросила она. – Нельсон Мандела умер прошлой ночью.

Положив трубку, я сварила чашку кофе, взяла два сухарика и вышла на веранду. Но не успела поднести чашку к губам, как из глаз потекли слезы.

Манделе было девяносто пять, и он уже какое-то время болел, но известие все равно оказалось шоком. Я смотрела на коричневый вельд, сморщенные деревья гуари и далекие горы. Из-за слез казалось, что идет дождь, но на огромном небе не было ни облачка. Я знала, что сейчас Тату Манделу оплакивает со мной вся страна.

Потом внутри у меня все затряслось, слезы текли откуда-то из глубины, и я поняла, что плачу и о моем отце тоже. О моем папе, который покинул меня так рано.

Я смотрела на вельд, и сердце наполнялось грустью и гордостью за моего отца – и за Манделу.

Иногда я думала, что отец бросил маму из-за Манделы. Конечно, я не могла винить Манделу, ведь он, в конце концов, двадцать с лишним лет провел в тюрьме на острове Роббен, далеко от Кляйн-Кару. Я знала, что отец любил мою маму – кареглазую, с нежными руками и умением вкусно готовить. Но я знала и другое: в Кляйн-Кару, даже с его просторными полями и бескрайними небесами, отцу негде было развернуться. А у мамы взгляд на мир был достаточно узким.

Для отца Мандела был борцом за свободу и великим лидером. В глазах мамы он был террористом и кафром (хотя это слово в присутствии отца она не произносила). При мне они спорили редко, но об этом разногласии я слышала не раз.

Отец был африканским корреспондентом английской газеты «Гардиан», и ему приходилось много ездить. С годами мы видели его все реже и реже, а потом он и вовсе перестал приезжать. Посылал деньги и открытки. Эти открытки маму жутко сердили. Но потом прекратились и они, хотя деньги поступали каждый месяц. Когда я скучала по нему, я читала старые открытки, спасенные из мусорного ведра (иногда их приходилось склеивать, потому что мама их рвала). Открытки я хранила в книге, которую отец читал мне в детстве, – «Просто сказки» Редьярда Киплинга. И я ждала: вот стану старше, исполнится восемнадцать, и отправлюсь искать отца, побываю в замечательных местах, которые видела на открытках, о которых читала в «Просто сказках». Но судьба распорядилась иначе.

Когда мне исполнилось восемнадцать, маме позвонили по междугороднему телефону и сказали, что отец погиб – несчастный случай. Новость эту принес чернокожий, и это, кажется, огорчило ее не меньше, чем само известие о смерти отца.

Понятно, что деньги от отца перестали поступать, но «Гардиан» продолжала выплачивать матери небольшую пенсию. Я устроилась работать в «Агри», фермерский кооператив, чтобы было на что оплачивать счета. С мамой я жила почти до тридцати лет.

В 1990 году правительство апартеида, наконец, отменило чрезвычайное положение. Со всех политических организаций, включая Африканский национальный конгресс, сняли запрет, освободили всех политзаключенных. Мандела наконец оказался на свободе. Но в стране шли бои, лилась кровь.

Мандела вел переговоры о примирении и каким-то образом вел нас тропой мира. В 1994 году всем южноафриканцам разрешили голосовать на первых нерасовых демократических выборах. К власти пришел АНК, и нашим президентом стал Мандела.

Мама, как и многие белые, была в ужасе. Она накупила ящики с консервами, поставила задвижки на все двери и окна. Я не знала, как относиться к политике, но в доме все больше чувствовала себя как в клетке. Именно тогда Фэни начал ухаживать за мной. Мне было трид-

цать три. Когда он сделал мне предложение, я была просто рада вырваться из материнского дома.

Фэни отслужил два года в армии правительства апартеида и был зол на правительство африканерской Национальной партии, мол, оно «закорешилось» с АНК. Ведь именно эта Национальная партия готовила его убивать «террористов из АНК», а теперь позволила «врагу» захватить власть в нашем правительстве. В конце концов Мандела очаровал мою мать, но Фэни так и не принял ни его, ни правительство чернокожих.

– Мне нравится, как он танцует, – говорила мама про Манделу. О Фэни она сказала: – У него хорошая работа в банке, а Ван Хартены – респектабельная семья. Между прочим, его отец был священником Голландской реформатской церкви.

Постепенно она успокоилась, перестала запираться на все задвижки, начала ходить по магазинам в обычном режиме – хотя в кладовке по-прежнему хранились два больших мешка муки – и рассказала мне правду об отце: он был подпольным членом Африканского национального конгресса. С организации уже сняли запрет, а отец так или иначе уже был на том свете, но эту новость она поведала мне шепотом и велела держать ее в секрете.

Никаких других подробностей она мне не сообщила: чем он занимался, что за несчастный случай привел к его гибели, почему мы не организовали его похороны.

Я надеялась, что Мандела хотя бы частично излечит ее, и она не будет злиться на отца и чернокожих, которые украли у нее мужа, но она так и жила в горьком одиночестве до самой смерти.

Поскольку Мандела был хорошим человеком и состоял в АНК, как и отец, я начала прислушиваться к нему, будто он мог дать мне такой же совет, как папа. До этого я не обращала особого внимания на политику, она была от меня где-то далеко. В конце концов, как мы видели по телевизору, беспорядки по большей части происходили на расовой почве, а в Кляйн-Кару жили в основном цветные. Послушав Манделу, я не стала голосовать за АНК – да и вообще не пошла на выборы, – но присоединилась к женской группе Голландской реформатской церкви, собиравшей средства для школ, где учатся цветные и ВИЧ-инфицированные сироты. Я много пекла для этих церковных мероприятий.

Когда Фэни, мой муж, начал меня избивать, я тоже черпала мужество у Манделы. Мандела защищал права женщин, критиковал насилие по отношению к ним. Иногда, послушав его, я говорила себе: надо уйти от Фэни. Но страх пересиливал. Как и голос мужа, матери и церкви: будь рядом со своим мужчиной.

Да, я осталась с Фэни, но мудрые слова Манделы помогли мне побороть одиночество и боль и заставили меня задуматься: может быть, только может быть, я зря во всем виню себя?

Я допила кофе, стряхнула крошки с колен – оказалось, я плачу еще горше. На моих щеках смешались слезы и по моему отцу, и по Манделе, отцу нашей нации.

Глава девятая

Всю следующую неделю Южная Африка оплакивала смерть Манделы и праздновала его жизнь. Почтить его память приехали люди со всего мира. На поминальной службе в Йоханнесбурге небеса разверзлись и непрерывно лил дождь. Мы слушали отрывки богослужения по радио в нашем офисе. Там было жарко и сухо, мы сидели неподвижно и слушали, а вентилятор знай себе вращался. Президент Танзании напомнил, что в Африке дождь – это самое большое благословение. Осадки выпадают, когда появляется вождь. Вождь Мандела отправился в мир иной, и на небесах праздник.

– Знаете, его бабушка была из местного племени сан, – сообщила Джесси. – Бушмены знают, как вызвать дождь.

Во время речи Барака Обамы Джесси расплакалась, и даже Хэтти промокала платочком уголки глаз. Я уже выплакалась. А Джесси меня удивила, надо же, как растрогана. Она совсем молодая, откуда ей знать Манделу? Но он был из тех людей, чья история и мечты простираются сквозь века. И, как Мандела и Обама, Джесси всей душой стояла за справедливость.

Нам всем понравились строки, процитированные Обамой, они много лет помогали Манделе держаться на плаву в тюрьме: «надо быть капитаном своей души».

День похорон стал неофициальным государственным праздником. Даже в Ледисмите сделали выходной, чтобы почтить память Нельсона Холилалы Манделы. Двадцать лет назад не только белые, как моя мама, но даже многие цветные видели в нем террориста. Но Манделе и при жизни, и после смерти удалось завоевать их сердца. Он напомнил всем нам о добре, какое есть в нас самих и друг в друге.

Я встретила с Джесси и Хэтти в отеле «Ледисмит», в баре собралось много людей, смотревших похороны на большом экране. В отеле бесплатно подавали кофе с печеньем, поставили много белых пластиковых стульев рядом с обычными деревянными. Задернули шторы, и происходившее на телеэкране было хорошо видно.

Банковский менеджер в костюме сидел рядом с цветным стариком, который просит милостыню у супермаркета. Молодые чернокожие полицейские пили кофе с пожилыми белыми дамами из мебельного магазина. Все сидели вместе, как старые друзья, что не часто увидишь в Ледисмите.

Когда выносили гроб с телом Манделы, я с трудом сдержала слезы. Джесси, Хэтти и я сидели, высоко подняв головы. Может быть, дух Манделы как-то останется с нами?

Глава десятая

На следующий день мы вернулись в наш офис, и жизнь потекла по прежнему руслу. Хотя мне казалось, что отныне все в Южной Африке будут относиться друг к другу с уважением и добротой. К сожалению, я ошибалась...

Я просматривала новую порцию писем. Вентилятор под потолком вращался все быстрее и быстрее. Это напоминало духовку с термовентилятором. Джесси, Хэтти и я сидели за своими столами и равномерно пропекались.

На Джесси была ее обычная черная жилетка, пальцы вихрем носились по клавиатуре, кажется, мыслям за ними было не угнаться. Гекконы на руках слегка покачивались, следуя за печатающими пальцами. Хэтти сидела за компьютером в льняной рубашке персикового цвета с короткими рукавами и юбке в тон. Льняная, но все равно без единой складки.

– Тебе пять электронных писем, Мария, – сказала Хэтти. – Разве это не чудесно?

Телефон Джесси запел «Мой чернокожий президент». Эту песню Бренда Фасси написала в честь Манделы. Но я не поднимала глаз, сосредоточилась на лежавшем передо мной письме. Пробежала кончиками пальцев по надписи на конверте. Я могла узнать о человеке многое, еще не открывая письма. Автор писал заглавными буквами и слишком сильно нажимал ручкой, видимо, сообщение было очень важным. Адрес был написан, как пишут на африкаанс: сначала название улицы, а потом номер. «Эландстраат, 7». Слова письма были втиснуты в разлинованный лист бумаги черной шариковой ручкой:

ТАННИ МАРИЯ. БОЮСЬ, ЧТО МУЖ МОЕЙ ПОДРУГИ ХОЧЕТ ЕЕ УБИТЬ. ОН СЛОМАЛ ЕЙ РУКУ. ОН ДУМАЕТ, ЧТО ОНА УХОДИТ ОТ НЕГО, И СКАЗАЛ, ЧТО УБЬЕТ ЕЕ. ОНА НЕ ХОЧЕТ ЗВОНИТЬ В ПОЛИЦИЮ. ГОВОРИТ, ЧТО Я НЕ ДОЛЖНА ПРИХОДИТЬ К НЕЙ ДОМОЙ. ЕСЛИ Я УБЬЮ ЕГО, ЗАЩИЩАЯ ЕЕ, БУДЕТ ЛИ ЭТО САМООБОРОНОЙ? ЕСЛИ НЕТ, НА СКОЛЬКО МЕНЯ ПОСАДЯТ В ТЮРЬМУ?

Я обхватила голову руками.

– Эй, танни, что там у вас? – спросила Джесси.

Я передала ей письмо. Она прочитала его за три секунды.

– Боже, Мария, на тебе лица нет, – сказала Хэтти. – Сделать тебе чай? – Я кивнула. – Что в письме?

– Еще один ублюдок, не дающий житья своей жене, – сказала Джесси, протягивая Хэтти письмо. – Грозится ее угробить. Йислайк. Придумали бы для них, что ли, какие-нибудь мощные инсектициды. ДДТ, чтобы распылять с самолета.

– Это про твою другую даму, – предположила Хэтти, пробежав глазами письмо. – У которой муж – последняя скотина.

– Да, – подтвердила я. – Утиная леди. Вернее, леди без уток.

– Этот ублюдок их застрелил, да? – спросила Джесси.

– Недавно от нее пришло еще одно письмо, – сказала я. – Пишет, что решила от него уйти. Похоже, автор этого письма – подруга утиной леди. Которая их ей подарила.

– Обратного адреса нет? – спросила Хэтти.

Я покачала головой.

– Почти все письма анонимные, – сказала я. – Но штамп Ледисмита.

– Это не обязательно она, – усомнилась Джесси. – Каждую четвертую женщину в Южной Африке колотит муж или сожитель.

– Не думаю, что это кто-то другой. Нутром чую, это моя утиная леди. Она писала о близкой подруге. Я посоветовала ей уйти от мужа. И теперь он может ее убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.